

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

БЕЛЫЙ ХРЕН В КОНОПЛЯНОМ ПОЛЕ

ЖИХАРЬ
И К°

Михаил Успенский

Белый хрен в конопляном поле

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Успенский М.

Белый хрен в конопляном поле / М. Успенский —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-89-000421-0

Всё течёт, всё меняется. Вот и Многоборье уже достигло королевского статуса, а о временах князя Жихаря уже говорят, как о былинных. На троне теперь король Стремглав Бесшабашный. Человек интересной и нелёгкой судьбы. Покинул в молодости родительский дом, скитался, служил в «Иностранном легионе» короля Пистона Девятого. Дослужился до капитана. Имел бурный роман с эльфийской принцессой, практически в одиночку захватил цитадель врага, стал королём, родил двоих сыновей — Тихона и Терентия. И вот тут-то всё и начинается...

ISBN 978-0-89-000421-0

© Успенский М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая. Мужичкий король и эльфийская королева	6
Глава 1,	6
Пролог	7
Глава 2,	9
Глава 3,	12
Глава 4,	16
Глава 5,	19
Глава 6,	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Михаил Успенский

Белый хрен в конопляном поле

*Если спросите откуда
Эти сказки и легенды,
Я отвечу очень просто,
Безыскусно и доступно.
Это свалка древних мифов,
Это кладбище сюжетов,
Крематорий древних баек
И увядших архетипов,
Где изысканная правда
Бородатых анекдотов
Столь причудливо смешалась
С грубой выдумкой суровой,
А разнузданная скромность -
С порнографией стыдливой,
А нечаянная радость -
С ожидаемой бедою,
Где и магия доступна,
И религия забыта,
И наука постижима,
И проста литература,
Между тем как жизнь сплошную
Представляется загадкой,
Над которою до смерти
Бьется сердце человежье.
Если спросите, откуда
Эти древние сказанья,
Я скажу вам, я отвечу. Я отвечу:
ОТ ВЕРБЛЮДА!*

*«Каин! Каин! Каин! Спроси брата своего Авеля: не болят ли у него
зубы?» – «Нет».*

Так бы у раба Божьего (имярек) не болели.

Заговор на зубную боль

*Ничего нельзя утверждать с уверенностью. Например, мы до сих
пор не знаем, действительно ли существовал композитор Глюк или он
только примерещился своим современникам?*

Доктор Л.С.Ди

Часть первая. Мужичкий король и эльфийская королева

Глава 1,

которая стоит не на своем месте исключительно с целью заинтриговать читателя

– Эбьен, мон принц! Де ля хренови! Аля улю, сама рулю. У ково чево боли! Кому ворожи, кому на печи лежи. Тебе калачи, покуль горячи. Врагу – не могу. Врачу – не хочу. Казна скудна!

Так говорила пятого числа в короеде месяце 1999 года от Восхода известная фрейлина и приближенная королевы Алатиэли, почтенная мадам Инженю, она же бабка Чумазея, всякому встречному и поперечному. Чумазея воображала, что говорит по-бонжурски, как и полагается всякой уважающей себя придворной даме. Она думала, что коли подбирать все слова с ударением на последнем слоге, то и выйдет настоящий бонжурский язык вместо исконного посконского, которому не место при дворе короля Стремглава Первого.

Фрейлина она была не взаправдашняя, как и большинство придворных, которые тоже не очень-то умели объясняться по-бонжурски.

Лучше всех владел этим языком сам король, Стремглав Первый, но и он был король не взаправдашний, потому что в Посконии никаких королев отроду не водилось, а водились только цари.

Да он, честно сказать, и царь-то был не настоящий. Разве настоящие цари-короли набирают себе придворных не по знатности рода, а по причине происхождения из одной с ним глухой деревни Новая Карга?

– Что ты несешь, страшилище преклоннолетнее? – зашипел король, услышав якобы бонжурскую речь. – Какой я тебе принц? Я тебе, труперда старая, вотр мажести! По-нашему – ваше величество!

– А по-вашему – наше величество! – не растерялась фрейлина. – Для тебя же, окаянного, стараюсь, чтобы перед послами не опозорить!

– Я же тебе сказал, под лоскутную юбку роброн не надевать! – простонал король Стремглав Первый. – Не тебе ли для придворного платья отрез неспанской парчи выдали?

– А вот как проживем всю казну, так и отрез сгодится! – не сдавалась бабка Чумазея. – Пусть в клетки лежит – есть не просит!

– Чего приперлась-то? Пожар, что ли?

– Супруга твоя рожать изволит!

Пролог

Три дива водилось в земле, Посконией именуемой.

Первое диво – что ворота золотые.

Другое диво – что храмы железные.

Третье диво – что печи деревянные.

С тех пор золотые ворота пустили на золотую монету, а золото давно пропили.

Храмы железные перековали на доспехи да мечи.

Остались одни деревянные печи.

Изготавливать их наловчились из лени, поскольку долбить живое дерево много легче, нежели дикий камень.

Редкие иноземные путешественники, ночуя в ненастье по духовитым избам посконским, отмечали великое чудо: биться в тесной печурке огонь бьется, а вреда ей никакого не причиняет, хотя и тепла дает не слишком много.

Бывало, просили хозяина продать чудо-печь на вывоз; и продавали, и вывозили, предвзительно пометив бревна, как это делают с избами и теремами, желая поставить их на новом месте.

Но на новых местах деревянные печи горели как миленькие, и оттого всех путешественников с тех пор заранее полагают лжецами, вралями, выдумщиками и загибальщиками.

Посконичи особенно гордились именно этим свойством своих печей. Что-что, а гордиться-то они умели.

Писано же было в летописи тех времен:

«Посконичи (многоборцы тож) бо бяху, живяху, уху едаху, всякому слуху внимаху, баб имаху, детей плодаху, поряху оных для страху, потом помираху, а еще они воеваху, мечами бряцаху, оружием на солнце сверкаху, землю ораху, красного зверя стреляху, белую рыбу ловяху, всех ворогов на ухо посылаху, бляху-муху без пощади истребляху.

Князья же посконские мужиков угнетаху, бояре заговоры сплетяху, приводя державу ко краху, а мужики, на груди рубаху порваху, против князьев восставаху, да то казнимы бываху, восходяху прямо на плаху.

Посконские девки хороводы водаху, песни распеваху, венки по воде пускаху, на женихов гадаху.

Воины же военному делу надлежащим образом учаху, всех мечом поражаху, стрелой прошиваху.

Купцы денег наживаху, в рост их даваху, народ в кабалу за-ираху и лаяй...»

(Вот откуда, оказывается, рэп-то пошел! Не из-за моря!) Ну не может летописец не придраться: никогда посконские купцы не лаяли – разве что во времена, когда собачье гавканье вдруг поднималось в цене.

С тех легендарных времен, восходящих еще к первому многоборскому князю Жупелу Кипучая Сера да к Жихарю-Самозванцу, земля сильно оскудела. Леса уже наполовину повырубали, реки своим ходом обмелели, белая рыба ушла искать, где бездна глубже, а красный зверь – где пуца гуще. Стольный город Столенград затеялись было обнести каменной стеной, возвели ее наполовину да и бросили: чай, не в Чайной Земле живем, которая от всех народов стеною огородилась. Нечего скрывать было посконичам, жили они всем напоказ и наружу, и драным наверх.

Старики говорили, что самозванный князь Жихарь не помер, а до сих пор скрывается в лесах вместе с верными людьми, чадами и домочадцами, а когда станет старой многоборской земле совсем уж невмоготу, тогда-то он, батюшка, и откроется, и спасет в нашествие, и накормит в голод. Многие даже в расчете на это строгаили новые липовые ложки.

Нет такого народа на земле, чтобы не чаял спасения в лице вождей прежних лет, таящихся до срока в лесах, в пещерах, на дальних островах, где пребывают они в сонном состоянии до поры до времени. Но уж когда проснутся...

Соседи этим ожиданием пользовались: оттяпывали потихоньку посконские земли, с таким трудом собранные князем Жупелом и его потомками, которые веками вырождались-вырождались, да так и совсем выродились. Последний князь, вместо того чтобы заниматься державными делами, пускал кораблики по обмелевшим из-за вырубленных лесов рекам.

Народ терпел-терпел да и решился на самую отчаянную меру – отправил своих выборных за темные леса, в глубокие пещеры ко старцу Килострату за советом и мнением народным.

Старец Килострат лежал в гробу, да не в простом, а на семи колесах. Говорили, будто безлунными ночами он в этом гробу катается по всей Посконии, до смерти пугая разбойников и узнавая обо всем, что в земле Посконской творится, и нету для священного старца ни секрета, ни вопроса, ни тайны, ни загадки, ни даже самой проблемы.

Старец, покинув гроб и послушав посланцев народных, всплеснул худыми руками:

– Да что вы говорите? Да быть того не может! Ты смотри, что делается! Дивен мир, чудны люди!

Посланцы переглянулись с разочарованием: вот так всеведущий старец! Хотя он же безлунными ночами катается, когда обычно все в порядке бывает, а безобразия сокрыты тьмою.

Но старец быстро опомнился и манием руки умирил маловеров.

– Ладно, ждет, ждет вашу страну великое, светлое будущее! – сварливо сказал Килострат. – Да только хрен дождется!

Посланцы возрыдали от обиды: как же это так – ждем всем народом, а дождется только некоторое растение?

– Плачь, плачь, мой бедный, вечно мудрый народ! – еще подначил старец.

Рыдания загудели по всей пещере Килостратовой.

– Довольно рыдать, – пожалел их старец. – Одарю вас ради вашего убожества еще одним пророчеством: утешьтесь, не одних лишь посконичей, но и весь род людской ждет счастливый конец! Гостинцы вон туда покладите!

С этими словами премудрый Килострат воротился в свой чудной гроб и там испустил дух, да такой сильный, что иные попадали замертво. Оставшиеся понесли из пещеры сие драгоценное тайное знание всем людям.

Спасение пришло с другой стороны, откуда никто и не чаял.

Глава 2,

в которой рассказывается, что такое царские знаки (автор советует читателю поискать таковые на себе)

Отец у будущего короля был шорник.

Первенца своего он нарек Стремглавом и не ошибся: едва подросши, паренек носился по деревне так, словно вышиб перед тем с разбегу крепкую дубовую дверь и никак не может остановиться.

Доставалось ему за резвость, конечно, крепко. Да иначе и быть не может в доме, где хозяин – шорник. Звали его Обухом, и за дело: был он здорово крепок и скор на руку, нравом свиреп, волосат, и даже брови над переносицей у него срослись от постоянной злости. Злость он вымещал на шкурах, на жене и на единственном сыне.

Порол он сына и недоуздом, и чересседельником, и шлеей, и шлейкой, и подпругой, и гужами, и вожжами, и постромками, и поводьями, и, наконец, временами.

Выходила двойная польза: и товару испытание на прочность, и отроку отеческое наставление.

Спина и то, что ниже ее, у Стремглава от наставлений настолько закалились и задубели, что на коне он мог всю жизнь проездить без всякого седла и не опасаться вражеской стрелы в спину.

Но не мечталось даже бойкому Стремглаву ни на коне подолгу красоваться, ни в бою отличаться, поскольку батюшка хотел передать старшенькому и единственному сыночку свое ремесло. Шорник Обух был жаден и у кожевников готовые кожи не покупал, а подрабатывал сам еще и живодером, и дубильщиком, и мяльщиком. В сарае, а подчас и в избе, стояли кадушки, источавшие самый гнусный запах. Известно ведь, чем дубят шкуры, если на квасцы денег жалко: куриным пометом...

Имелась и еще, помимо природной злобы, у шорника причина сынка своего ненавидеть.

...Было тогда Стремглаву лет пять или меньше – кто в деревне годы-то считает?

Однажды ночью возникла у младенца великая нужда: поглядеть на звезды, которые в безлунную ночь горят особенно ярко.

Он вышел за ворота, запрокинул голову и начал дивиться небесному устройству, а дивиться он умел.

Удивление было прервано тележным скрипом.

Тележного скрипа Стремглава уже не боялся, не маленький. Поэтому он никуда не убежал, а решил подождать, кто приедет.

Тележный скрип приблизился. Мало того, к нему присоединился человеческий голос, такой же скрипучий:

– Ну, люди! Прямо-таки порождения крокодилов! Старого старика ни в одну избу не хотят впустить, словно он головорез либо сквернавец какой! Я для вас стараюсь, можно сказать, в гроб себя заживо загнал, а вы... Мне бы щец горячих похлевать, в баньке попариться, косточки побаловать... Эх, напрасны мои труды: все как есть люди сволочи!

«Как это – все люди? – подумал мальчонка. – И мама? И батюшка? И я? И корова наша? И кот Кулик?» (Куликом умного кота прозвали за то, что он ухитрился поймать одноименную птицу.) – Дедушка! Пойдем к нам! – радостно предложил Стремглав. – У нас как раз собираются баню топить, мы всегда ее поздно топим, батюшка допоздна работать велит. Только ты его слушайся – он у нас строгий! Может и выпороть...

Скрип колес пресекался.

– Там посмотрим, кто кого выпорот. Ну-ка, где ты там, доброхот неожиданный? Веди в избу, коли обещал! Горе тому, кто даже нечаянных, опрометчивых посулов не выполняет: ничего он в жизни не добьется!

И крепкая рука ухватила Стремглавову ручонку, словно незнакомец умел видеть во тьме.

– Дедушка, давай я потом коня твоего распрягу, оботру, напою, овса ему задам...

– Конь у меня самостоятельный... Ты веди!

Тут Стремглав опомнился. Вдруг это и вправду лихой человек – вон хватка-то какая... Батюшка ведь убьет... То есть он сначала пришлого убьет, а уж потом за сына-дурака примется: не тащи в дом первого встречного, да еще ночью, да еще безлунной!

– Чего? Какие такие старые странники? – взаправду зарычал шорник, когда сын с пришельцем зашли в избу.

– Я, батюшка, его пригласил... – пискнул Стремглав.

Шорник Обух вынул из-за спины топор, внимательно осмотрел странника, примеряясь, нет ли у него чего ценного, такового не обнаружил и снова заорал:

– Я на тебя, старого пса, молодых кобелей спущу! Пошел вон на все на три на тайные руны!

Странник отпустил мальчишку и протянул руку к хозяину:

– Ариды и Мариды, Ариды и Макариды! Макариды и Аскарариды! Вы идите во дальнюю страну, где деревья не шумят, где девка косы не плетет, где юноша прута не строгаёт...

Шорник выронил топор.

– Понял, кто перед тобой? Ладно, для сына твоего тебя прощаю, поскольку он еще не вырос, а уже смел, честен и добр. Что-то потом останется... Ведь он не только тебя, он всю вашу деревню спас. Если бы меня ни в один дом не впустили, я бы ее куриной лапкой обвел – знаешь, что после того бывает?

Шорник испуганно кивнул.

– Да не трясись ты – перед мальцом не позорься! Где там твоя баня?

...Сколь не таимничай, а станется и правду сказать.

Конечно, печи в Посконии были никакие не деревянные, такую ни один кудесный мастер не сотворит. Обычные были печи, кирпичные были печи. Да и на что нужна деревянная печь, много ли она тепла сохранит?

Просто заморских гостей, как полагается, водили в баню. И потом они дома рассказывали про чудное ее устройство. Рассказы передавались дальше, по пути злостно перевираясь и обрастая самыми невероятными подробностями. В иных странах, кроме Посконии, Чухонии да Варягии, таких бань сроду не было, люди там в лоханках мылись – вот позорище-то! Владыка могучий в лоханке сидит! Значит, так и возникла сказка о том, что в Посконии, мол, деревянные печи... В бане пришелец оказался крепким жилистым стариком, и лицо у него было узкое и грозное, как секира. Болярское, словом, было лицо, а вот одежда мужицкая.

– Потом посиди-ка ночку, повыжаривай гостей, – приказал он хозяину, кивнув на рубище свое.

Шорник словно язык во щи обронил – кивал только покорно злою своей головой.

Но баня любого злодея умягчит, добрые же люди в ней становятся еще добрее, а очень многие вообще выходят оттуда совсем захорошевшими.

Особенно же удобрению страстей человеческих способствует брага.

– Здоровый ты мужик, только вот живешь зря, – сказал подобревший старец хозяину.

– Как так зря? Ты думай, ухо моржовое, чего говоришь! – осмелел шорник. Такие люди обыкновенно начинают наглеть при малейшей потачке.

Только гость не обиделся. А вот Стремглавке тут и стало впервые за отца стыдно.

– Вот почему. С такими плечищами надо идти в войско и добро добывать мечом. Конечно, ремесло я тоже уважаю, только ты ведь и шорник – так себе. А все от того, что всю работу сам делаешь по причине жадности. Труд же разделения требует.

– Парень подрастет – будет кожи мять, – сказал Обух.

– Ты, стало быть, все уже за него решил?

– Конечно. Ведь отцовское слово – закон.

– Ну и напрасно, поскольку вижу я у мальчика на теле явственные царские знаки.

И показал рукой, где именно он эти знаки видит. Хозяин захохотал.

– Ну, дедушка, сказанул! Какие же это царские знаки? Такие у всякого мужика с рождения имеются! Таков-то и я царь!

И в доказательство хлопнул себя по низу живота.

Настала очередь гостю посмеяться:

– Нет, у тебя это всего лишь простые причиндалы. А у сына твоего истинно царские знаки. Недаром всякому отроку говорят, что у него все впереди. Вот что это выражение по-настоящему-то значит! Каждый мужчина с ними рождается, да немногие становятся царями, потому что не знают об этом. Не смеют знать.

– Что же ты тогда сам царем не стал? – ухмыльнулся шорник.

– Пробовал. Не вышло. Не судьба.

– Это что же выходит – оглоед мой царем может заделаться?

– Может! – сказал твердо гость. – Только будет он не царем, а королем. Хотя разницы никакой. Ибо давно нужен Посконии настоящий владыка.

– И когда же на наш убогий двор венец привезут? – поинтересовался глумливо хозяин.

– Он его сам себе добудет, когда особое слово услышит и пойдет за ним... Плесни-ка еще! Да не тревожься, пошутил я насчет вшей с гнидами, не водится их у меня...

Глава 3,

в которой сын шорника слышит предсказанное старием Килостратом слово

– Стремглавка! Ты где всю ночь шлялся, жрать твою кашу, кожи еще не мяты, не тронуты! За стол не сядешь, покуда урок не отработаешь! Для твоей же пользы стараюсь!

С таких воплей начинался трудовой день будущего короля, и начинался он, едва солнышко показывало на восходе самый кончик носа.

Первое время после ухода таинственного гостя шорник бить мальчишку остерегался, так его старик напугал. С перепугу он даже отдал сына в учение к единственному на всю деревню грамотею, и грамотей учеником нахвалиться не мог.

А потом началось все снова-здорово. Мстил Обух родному сыну за свою поганую жизнь, историю же про ночного гостя так часто рассказывал пьяным приятелям, что Стремглав, израсстая, не смог ее забыть...

– Так ведь, батюшка, вы же меня сами в ночное посылали...

– На ухо к медведю я тебя посылал! То было ночное, а теперь дневное! У меня хлеб даром не едят! Вот я тебе сейчас нанесу царские знаки!

После устного внушения шорник брался за вожжи, или за гужи, или за что там попадалось.

Мать жалела юного Стремглава, но возразить никак не смела: так уж воспитал ее супруг сразу после свадьбы.

Только и отрады было у мальчонки, что съездить в ночное, прокатиться на коне, подышать волей и костровым дымком после вонючей избы, да ведь посконское лето коротко.

Иногда через деревню проходили торговые люди, отдыхали, чинили упряжь или покупали новую. Они рассказывали о далеких теплых странах, что пораскинулись на берегах теплых же морей. Работать там совсем ничего не надо: протянул руку, сорвал с ближайшего дерева сладкий плод по имени банан и насытился. Если и сеют там жито, так собирают по два и по три урожая в год. Избы ставят из соломы да тростника, конопатить их на зиму не надо. Нет нужды и в дровах, и в печках. Звались те места Вольными Хлебами, и ежели доводилось кому из посконичей покинуть пределы отечества, то про него так и говорили – «ушел на Вольные Хлеба». А еще дальше, там, где никто не бывал, располагалась на недосыгаемом острове Родина Всех Людей.

«Хитрые какие иные народы! – размышлял Стремглав. – А зачем же мы-то взяли и забились в леса и болота да принакрылись долгою зимой? Отчего нам там-то не живется?» Но задавать такие вопросы отцу он не решался и, горестно шмыгая носом, отправлялся мять кожи красными и опухшими от дубильного состава руками.

Так было до того дня, когда в деревне Новая Карга появились всадники в невиданных доспехах, сиявших на солнце сталью, покрытой золотыми узорами. Всадников было около десятка; деревенский староста кинулся было к ним спросить подорожные грамоты, но вместо того получил промежду глаз рукоятью плети. Всадники через толмача, кое-как соображавшего по-посконски, дали понять, что надобны им кузнец и шорник.

– К нам на двор! К нам на двор! – закричал изо всей мочи Стремглав. – У меня батюшка как раз шорник!

Двое всадников, снаряженные поплоче, спешили и последовали за ним.

Во дворе они сняли шлемы с забралами и сморщились по причине духа, шедшего из сарая.

Стремглав присмотрелся к гостям. Оба были немногим старше его, глядели насмешливо и бойко.

Толмача им не понадобилось: едва шорник-батюшка вышел из избы, как тут же все понял и потащил будущих покупателей смотреть товар. Гости пробовали упряжные ремни на прочность, и, когда одна из уздечек порвалась, Стремглав немедля получил за это от родителя оплеуху.

Наконец нашли-таки подходящее. А когда шорник на пальцах показал цену, стали смеяться. Шорник пожал плечами и цену понизил. Гости расхохотались так, словно мастер рассказал им похабную сказку про дружинника Кокуя и дуб с дуплом.

– Батя, цену-то как раз теперь надо ломить, – сказал Стремглав, почесав потылицу. – Они оттого веселятся, что цены у нас против ихних – смешные.

– Молчи, болван, когда не понимаешь! – рявкнул отец. – Все мое хозяйство столько не стоит!

– Да я чего, – сказал Стремглав. – Я ведь как лучше хочу...

– Да, пошел ты в тещу, – огрызнулся шорник Обух. – Такая же дура...

Конечно, никто не мог помешать приезжим взять все даром и даже кузнецу не заплатить – как тот ни могуч, а с воинами ему в одиночку не тягаться. Но небольшой отряд собрался заночевать в деревне, а во сне ведь всякое может случиться, так зачем же наживать лишние хлопоты?

Все сбегались поглазеть на чужеземных витязей, уже добравшихся до местной браги. Тут стало уж совсем видно, кто из них слуга, а кто господин. Господа сидели за столом, мило-стиво допустив к себе побитого старосту, и через толмача выпрашивали у него о дальнейшей дороге. Староста сперва что-то мычал, ссылаясь на вышнее начальство, на своего боярина, но после пары пинков стал словоохотлив. Давно никого уже не удивляло и не возмущало то, что чужеземцы едут через Посконию, как через пустое место.

Слуги тем временем обихаживали лошадей, подавали господам хмельное, подмигивали новокаргинским девкам, задирали бессловесно новокаргинских парней.

Потом господ отправили почивать в Старостину избу, а толмач со слугами заняли их место за столом.

Стремглава отец на это время со двора вовсе прогнал – видно, не хотел, чтобы подглядел сыночек, куда Обух прячет вырученные деньги. Стремглав ошивался вблизи пирующих – то воды принесет, то полотенце подаст.

Новокаргинская брага для разума разымчива: слуги сперва хохотали, вспоминая, видно, продешевившего шорника, потом немножко подрались, а еще потом завели песню – непонятную, но явно боевую, походную, грозную и печальную одновременно.

Одно песенное слово сын шорника отчего-то выделил среди прочих и пристал к толмачу, когда песня допелась:

– А что такое – орифламма?

Толмач поглядел на мальчишку, как на заговорившую курицу, – с удивлением и сожалением.

– Никогда, – сказал толмач. – Никогда не узнавать тебе, маленькая посконская быдла, что такое есть орифламма.

Он повернулся к слугам и заговорил на чужом языке, отчего те вновь развеселились и стали показывать на отрока пальцами.

Стремглав заплакал – чего он уже давно не делал при отцовских вразумлениях, – и пошел домой.

Всю ночь он просидел на крыльце, глядя на звезды и повторяя про себя:

– Орифламма, орифламма, орифламма...

За чужим словом открывался ему и чужой мир, где если бьют – так только за дело, и всегда можно дать сдачи, где не приходится склоняться над смрадной бочкой и тискать в руках осклизлую кожу, где...

Он еще не знал, что это за мир, но чуял, что именно там его место.

Едва рассвело, послышались чужеземные приказы и грохотание доспехов – всадники собирались в путь.

Стремглав проводил их до околицы, глянул в последний раз на сверкающие латы, тяжелые мечи и разноцветные перья на шлемах, на не виданные ранее продолговатые щиты с изображениями несуществующих зверей...

Отца он разбудил сам, не дожидаясь обычных воплей и обид.

– Батюшка, – сказал Стремглав, глядя на прогнившие половицы. – Дайте, батюшка, Стригуна.

– Для чего тебе конь, бездельник? – не понял родитель. – Да тебя не брагой ли вчерашние бродяги угостили? Ну, ты у меня дождешься, ешь твою плешь...

– Ешьте свою, батя, – дешевле обойдется, – посоветовал сын.

Пораженный шорник спустил босые лапы на пол.

– Ты что, сынок, с дуба сорвался? Я тебя сейчас в разум приводить буду... Знаки эти самые ставить, твое величество...

– Не придется, отец, – сказал Стремглав. – Нечем.

Шорник ахнул.

– Неужели ночью эти чуженины все забрали? А ты куда смотрел?

И, не дождавшись ответа, оттолкнул сына, устремляясь к сараю.

Упряжь никто не украл, она как есть была в наличности – только все гужи, вожжи, чересседельники и прочие постромки валялись на полу в виде обрывков.

– Так это ты, дармоед, все изрезал?

– Зачем изрезал? – с достоинством сказал сын. – Руками порвал.

И, покуда родитель беспомощно разевал рот, словно белуга, подцепленная из воды багром, подошел к кадке, в которой кисла очередная воловья шкура, вытащил шкуру и на глазах очумевшего шорника не спеша разодрал на две половины.

– Вот так, батюшка, – просто сказал он. После чего подошел к лохани с чистой колодезной водой и сполоснул руки.

Шорник хотел было зареветь, но подавился собственным ревом и молча двинулся на сына.

– Не подходите, батюшка, а то я вас убью, – сказал Стремглав. Но шорника было не словами останавливать.

Стремглав оглянулся, прынул в угол и схватил вилы. Отец приближался к нему, страшный, как заживо освежеванный медведь.

В последний миг отрок опомнился, перехватил вилы и ударил отца не зубьями, а черенком – как раз туда, где расходились ребра и начинался живот. Шорник Обух при этом еще успел заметить, что брови у сына прямо на глазах срослись...

Стремглав Обухович вышел из сарая, забросил вилы на крышу, увидел мать, выскочившую на крыльцо.

– Прощайте, мама, – сказал Стремглав. – Не поминайте лихом. Да принесите батюшке воды – он у себя в сарае пить захотел.

– Куда ты, сынок? – спросила мать таким голосом, что Стремглав чуть было не передумал. Но не передумал, а вывел из-под навеса уже с ночи снаряженного гнедого Стригуна.

– Поеду я, мама, орифламму свою искать, – сказал он, потому что разумных объяснений в голове не оказалось.

Он подошел к матери, коротко приобнял ее и вскочил на коня.

Шорник к тому времени отдышался и выполз из сарая.

– Видишь, мать, сынок-то у нас вырос... – сказал он, потирая ладонью ушибленную грудь. Замахнулся было на жену, но почему-то отвел руку и начал хохотать и рыдать вместо того, чтобы кинуться в погоню.

Хорошо, что все это произошло не в Чайной Стране за высокой стеной: ведь там непочтение к родителям полагается едва ли не главным из преступлений. Уж там-то бы Стремглава искали и ловили по всей стране, а поймав, предали бы страшной казни, растянув ее месяца этак на три.

Был ведь там случай, когда один почтенный старец, которому надоели вечные ссоры между невестками, пошел жаловаться на их безобразное поведение не куда-нибудь, а к самому императору. Император выслушал жалобщика и пообещал ему самую высшую справедливость, которая только есть в Чайной Стране. Покуда старичок доковылял до родного дома, справедливость была уже установлена во всей красе: императорские стражники зарезали и сварливых невесток, и безвольных сыновей, и неповинных внуков, а дом, в котором творились nepотребства, был уже сожжен дотла. Старичок оплатил справедливому владыке тем, что повесился на дворцовых воротах; император, таким образом, потерял лицо и был немедленно свергнут одним из многочисленных сыновей, отчего в державе возникла смута...

Но, к счастью, в Посконии такие тонкости никому и на ухо были не нужны. ... Стремглав нагнал всадников к полудню. Всадники сперва думали, что парнишка хочет их о чем-то предупредить, и приказали толмачу выяснить, в чем дело.

– А, маленькая посконская быдла, – сказал толмач. – Тебе чего хотеть?

– Возьмите меня в иные земли, – сказал Стремглав. – Я сильный. Я все умею и все хочу.

Толмач перевел его слова, и господа со слугами привычно засмеялись.

Стремглав подъехал поближе к толмачу и дал ему такого тычка, что тот свалился с коня в дорожную грязь. Остальные не набросились на сына шорника, а захохотали еще громче.

Тут Стремглав понял, что толмач стоит еще ниже слуги. Толмачей вообще не шибко-то любят. Много позже Стремглав узнал, что на нетальянском слова «переводчик» и «предатель» звучат почти одинаково: *traduttore* и *traduttore*.

Он наклонился, протянул руку и без труда поднял бедолагу из грязи. Господа одобрительно забормотали.

– Что они говорят, свинья двуязычная? – спросил Стремглав, не отпуская ворот толмаческой одежды.

Толмач утерся рукавом.

– Они говорить... – он поперхнулся. – Они говорить, что из маленькая посконская... малычишка выйти когда-нибудь большой толк.

– Тогда слушайте, – сказал Стремглав. – Староста вас не по той дороге послал, там через речку мелок брод – по самый рот...

Глава 4,

в которой рассказывается о несомненной пользе ночных бдений и разговоров

Много в бонжурском языке оказалось красивых слов и помимо орифламмы.

Например, «ледюк» и «леруа».

Один из всадников как раз и был «ледюк», то есть герцог. Герцог Мижуйский, будущий король Бонжурии Пистон Девятый. А король-то как раз и есть «леруа».

Будущий леруа был ненамного старше Стремглава – года на три. Под латами он оказался совсем худенький, белолицый, только нос торчал у него далеко вперед, как у морского корабля. Но морских кораблей в ту пору Стремглав еще не видел, и такое сравнение ему в голову не пришло, а вспомнилась ему птица дятел.

Нос, прямой и длинный, был навечным клеймом бонжурских королей. Для них и забрала делали особые, как бы с клювом.

Мало того, королевский нос по традиции носил собственное имя и даже благородный титул – виконт дю Шнобелле.

Какого уха делал молодой герцог со свитой в столь отдаленных землях, Стремглав спрашивать не посмел, но потихоньку, осваивая заодно волшебного звучания язык, понял, что Пистон просто-напросто был увезен в свое время в варяжские земли, чтобы избежать верной смерти от яда или кинжала, потому что желающих занять престол Бонжурии было предостаточно. Ныне же все соискатели короны друг дружку поистребили, и мудрые советники герцога, мессир Плиссе и мессир Гофре, постановили, что пробил час и ему предъявить свои вполне законные права на королевский венец.

«Далеко ли Бонжурия?» – думал Стремглав, чистя и обихаживая чужих коней, точа и смазывая чужие мечи, собирая хворост для костра – ночевать чаще всего приходилось под звездами.

Время от времени отряд останавливали посконские разъезды – их служебное рвение приходилось умерять золотом. Стражники то и дело цеплялись к сыну шорника – кто такой да по какому праву сопровождает чужеземцев, так что ледюк Пистон распорядился дать парню свой запасной камзол и довольно дурацкую шляпу с едва ли не петушиными перьями.

Потом начались затяжные дожди, и двигаться по раскисшим дорогам стало тяжело. Застряли на каком-то постоялом дворе на добрую неделю.

Чтобы не раскрыться до времени, никто молодого герцога таковым не звал, и почестей ему не велено было оказывать – словно не знатнейшие люди Бонжурии странствуют, а ватага разгульных наемников.

– А далеко ли Бонжурия? – наконец-то удалось Стремглаву собрать чужие слова в мучавший его вопрос. К толмачу ему обращаться не хотелось, и он дернул за рукав горбатого оруженосца-варяга. С горбуном они как-то друг друга понимали: все-таки варяги – соседи. Звали горбуна не то Эйрон, не то Айрон. Сын шорника кликал его Ироней. Несмотря на горб, Ироня был нравом весел, умом светел, а мечом владел не хуже здорового.

– Вот все уснут, тогда объясню, – сказал Ироня.

Бонжурцы привыкли у себя в Бонжурии пить хорошее вино, посконская же брага у них в животах бушевала, бурчала, выходила икотой, просилась наружу то с одного, то с другого конца. Стремглав с Ироней то и дело таскали на двор лоханки да бадейки. Стремглав у отца в сарае привык к подобным запахам, Ироня тоже, видно, не в княжьих палатах возрос.

Господа стонали, кряхтели и клялись между собой никогда впредь не употреблять эту страшную влагу, но клятвы хватало обычно до первой попавшейся на пути корчмы. Сопровождавший бонжурцев лекарь, мэтр Кренотен, пытался пичкать своих подопечных какими-то растертыми в прах корешками для укрепления желудков, но, видно, перепутал порошки и еще усугубил позорные недуги.

Наконец господа угомонились, и оруженосцы вышли на крыльцо. Дождь кончился, а свежий ветерок уже растаскивал тучи, открывая полную луну.

– Никому НЕ говори! – предупредил Ироня на посконском и достал из-за голенища свиток.

– Это что? – удивился Стремглав.

На телячьей коже были нанесены непонятные знаки и линии, только в правом верхнем углу какой-то волосатый мужик надувал щеки, а рядом с ним расположилась четырехконечная звезда.

– Хеймскрингла – круг земной, – сказал Ироня. – Вот здесь, вверху, – север, полночь по вашему. Внизу, следовательно, будет...

– Полдень! – догадался Стремглав.

На отдых они так и не повалились. Стремглав донимал Ироню вопросами. Как же так – на клочке шкуры, оказывается, уместается вся земля! И горы, и леса, и реки, и озера на лице ее! И все на ней страны и державы! И как их много!

– Мы выехали вот отсюда, – объяснял горбун. – Это Норланд.

– Белоглазые чудины, – уточнил Стремглав.

– Называй, как хочешь. Дальше никто не живет, потом начинаются ваши земли.

– Много-то как – ладонью не закрыть! – восхитился сын шорника обширностью родины. – Другие-то земли против нашей Посконии так себе выглядят...

– Да, земля ваша велика и обильна, – вздохнул Ироня. – А вот порядка в ней...

– Можно подумать, у вас больше порядка, – обиделся Стремглав.

Горбун словно бы не обратил внимания и продолжал:

– Далее будет Уклонина, после – Паныша, следом же Немчурия, войной сотрясаемая. Нам через нее идти. Когда пройдем, выйдем к рубежу Бонжурии. Вот столица ее – город Плезир...

Стремглав задумался.

– А что же вы водой не поехали, морем? Я слышал про море, что ему конца нет, но вот так-то вдоль берега, не ловчее ли?

Ироня одобрительно хмыкнул.

– Можно и морем, только на море ярла Пистона ждут, а сушей – не ждут...

– Кто ждет?

– Убийцы ждут, кому еще конунга ждать? Князя, конунга, короля, царя только убийцы повсюду и ждут. Несладок хлеб владык.

– А чего ж все туда лезут?

– Сам об этом думаю. Жил бы человек у себя на хуторе, сеял хлеб, ловил рыбу, растил детей... Так ведь нет – начинает завидовать соседу. У соседа всегда и колос гуще, и скотина глаже, и кони резвее, и жена красивее, и золота больше. И вот подкрадутся к тебе ночью, подожгут дом... А, что говорить!

– Ничего не говорить, – прошептал Стремглав. – Тихо!

И широкой ладонью придавил плечо горбуна, понуждая присесть и затаиться.

На крыльцо напознал рассветный туман, и в тумане этом чуткому пастушьему уху явственно слышалось легкое позвякивание. Кольчуга и вообще доспех в бою необходимы, а вот подкрадываться в них несподручно.

У Ирони был хотя бы засапожный нож, у Стремглава же и вовсе ничего под рукой не было, кроме лоханки с отходами знатнейших мужей Бонжурии Хотел ведь еще давеча выплеснуть, а потом отложил...

К звяканью присоединилось и сопение – напастники приближались.

– Ступай в дом, предупреди, – приказал Ироня.

Но в тумане уже воздвиглись расплывчатые тени и одна из них была такая уж могучая, такая уж грозная...

Стремглав распрямился, как береза, хакнул – и лоханка со свистом полетела вперед, разбрызгивая свое содержимое. Послышался удар, мерзкое чавканье и дикий вой оскорбленной души.

– Алярм! – громовым голосом провозгласил бонжурскую тревогу Ироня и бросился вперед, выставив нож.

Больше всего Стремглав опасался, что всполошенные бонжурцы всем скопом ломанутся в дверь, мешая друг другу. Но люди они были военные, высказывали хоть и без штанов, но при мечах, по одному, и не только в дверь. Стрел не опасались – в таком тумане всякая тетива мигом отсыреет, не успеешь и на лук натянуть.

Стремглав оторвал от крыльца перила заодно с резными столбиками и тоже устремился вперед, прочесывая врагов этим деревянным гребешком. Зазвенели мечи.

Сын шорника поддевал то одного, то другого врага, опрокидывая их на землю. Мечи товарищей завершали дело.

«Что-то долго возятся», – забеспокоился Стремглав. Он уже узнал цену бонжурским бойцам, на любом привале неустанно упражнявшимся в боевых искусствах. Знал он цену и посконским разбойникам – как правило, не годящимся ни к какому делу мужичкам, которые начинали разбегаться даже при самом робком сопротивлении.

– О, смерд! – заорал кто-то рядом с ним.

Стремглав выбросил влево от себя перила, и в них вонзился чужой кривой меч. Сосед слева немедленно нанес оплошавшему врагу попаденный удар – как оказалось, предпоследний в этой схватке, потому что последний достался сыну шорника.

Глава 5,

в которой Стремглав становится свидетелем королевского суда

Когда дерешься доской либо оглоблей, нужно глядеть, чтобы не перестараться и не огреть по затылку самого же себя. Что со Стремглавом и произошло.

Зато очнулся он героем. Его хлопали по плечам и спине, подбрасывали в воздух, величали звучными именами, поскольку удар кривого клинка предназначался будущему королю Бонжурии.

Почти все хвалительные слова сын шорника уже понимал – видно, удар по голове что-то в ней поправил, вышел на пользу. Такое тоже бывает.

– Бедный ля Улю! – хохотал герцог Пистон. – Подумать только, господа, быть первым мечом Бонжурии, лучшим из людей моего кузена – и пасть в этой варварской земле от удара деревянного ночного горшка! Мерзавец обделался еще перед схваткой, не успев вытащить меч!

Стремглав хотел сперва вступить за честь своего первого убитого, но отчего-то передумал.

Босые и бесштаные бойцы ходили среди поверженных, переворачивали тела, бесцеремонно обдирая с них латы, складывая в кучу оружие.

Из своих не повезло двоим: барон де Подольяк, оруженосец Шарло тоже не поднялись с земли.

– Этот еще жив! – воскликнул Ироня. – Скорее допросите его, мой господин: я не хочу, чтобы даже тень подозрения пала на моих земляков!

Живой – только ключица у него была переломлена (не иначе как сын шорника постарался) – изо всех сил прикидывался убитым. К нему приблизился мессир Плиссе, склонился, что-то сделал... Поверженный завопил.

– Пойдем, не надо тебе на допрос глядеть, – сказал Ироня и, ухватив Стремглава за рубаху, потащил к воротам.

У ворот спал (или делал вид, что спит) сторож постоялого двора. Ироня внимательно осмотрел стража, пнул пару раз. Спящий что-то недовольно проворчал.

– На ухо к бабаю с восьмой версты посылает, – охотно перевел Стремглав, хотя никакой нужды в переводе не было.

– Пьян, – сказал Ироня. – И не просто пьян...

– Это ты о чем? – встревожился сын шорника.

– Измена, – ответил горбун. – Везде измена. Ну кто бы мог подумать, что ярл Пистон поедет через Посконюю? Только сумасшедший мог бы решиться на такое. Понимаешь, парень, как все было хитро задумано: из Бодигаарда вышел драккар, и на борт его взошли люди тамошнего ярла, переодетые бонжурскими воинами. Один из них носил алый плащ ярла Пистона и его же весьма приметный шлем. Все были уверены, что наши гости отправились морем, как ты и предлагал. Так что засады на вашей земле никто не ожидал.

– Это не наши! – вскричал Стремглав. – Наши не подкрадываются втихую: непременно по дороге переругаются. И одеты не по-нашему... И мечи другие...

– Хорошо, что ты радеешь за честь своей страны, – сказал Ироня. – Но хорошо и то, что ты ее покидаешь. Когда еще и постранствовать, как не в молодости?

– Увижу весь мир – тогда вернусь, – пообещал сын шорника.

– Вряд ли, – вздохнул горбун. – Бродяга – до смерти бродяга. Но пойдем. Там уже, кажется, во всем разобрались.

В самом деле, юный герцог торжественно восседал во главе длинного стола, вынесенного во двор: по обе стороны от него расположились седовласые советники. Хозяин постоянного двора и его семейство, включая беспробудного сторожа, располагались на покалеченном крыльце и все были бледны и напуганы. Тихонько плакал ребенок.

А перед столом стояли на коленях двое – уцелевший нападник и лекарь, мэтр Кренотен.

– Королевский суд, – шепнул горбун. – Видишь печать в руке ярла Пистона? Впервые предстоит ему вынести справедливый приговор. От этого зависит все его дальнейшее царствование...

Но герцог Пистон сейчас вовсе не походил на грозного и справедливого владыку. Его светлое лицо покрылось красными пятнами – то ли от выпитой накануне браги, то ли от волнения, длинные волосы так и остались непричесанными спросонья, а нос (пардон, виконт дю Шнобелле) уныло уставился в дубовые доски с бесчисленными пятнами от жира и вина.

– Благодородные сеньоры и простолюдины! – провозгласил мессир Плиссе. – Его высочество герцог Мижуйский, принц крови и законный наследник бонжурского престола, рассмотрел все обстоятельства покушения на свою особу. Обстоятельства же эти суть таковы: двоюродный брат его высочества, гнуснопрославленный герцог де Шмотье, обманом внедрил в наши ряды своего человека. Это наш почтеннейший эскулап, ученейший медикус мэтр Кренотен. Верно ли я говорю, лучник Жан?

– Верно, мессир, – глухо сказал уцелевший. – Он, клистирная трубка. Какая мне охота за чужую вину отвечать? Да и не убил я никого – тетива, поди, до сих пор не просохла...

– Означенный медикус, – продолжал между тем советник, – дал знать своим сообщникам, что его высочество изволили возвращаться в свое королевство сухопутным путем. Герцог де Шмотье, упрежденный негодяем при помощи особой нечистой магии, выслал навстречу небольшой отряд наемных убийц, возглавляемый неуловимым и беспощадным кондотьером ля Улю. А мы были непростительно беспечны. Предатель попытался опоить нас снотворным, и только благотворное и очищающее действие здешнего вина позволило нам в тревожный час предстать перед лютым врагом во всеоружии!

– Обождите, – вдруг сказал Стремглав. – Да ведь ваш лекарь мог бы сто раз опоить его высочество ядом!

Бонжурцы поглядели на сына шорника с величайшим удивлением.

– Молодой человек, – сказал советник мессир Гофре после некоторой заминки, – я гляжу, вы уже наловчились изъясняться на языке милой Бонжурии. Теперь научитесь молчать на нем, когда вас не спрашивают.

– Не будь так строг к нему, старина, – сказал мессир Плиссе. – Он просто не знал, что вопросы и сомнения полагается высказывать лишь после того, как будут оглашены обстоятельства дела. Но, коль скоро вопрос вполне уместен, я отвечу на него. Вы сообразительны, дитя дикой Поскониин, но ненаблюдательны: разве не заметили вы, что всякую еду и питье прежде его высочества пробовал наш несчастный Шарло, мир его праху?

Стремглав втянул голову в плечи, обругал себя мысленно, а потом оправдал: разве его дело заглядывать в герцогский рот?

– Преступное деяние не увенчалось успехом единственно потому, что оруженосец Эйрон Два Горба и наш новый спутник предавались пустопорожней болтовне, от которой, как ни странно, произошла великая польза. Лучник Жан уже во всем сознался. Он сказал, что ля Улю отдал приказ ни в коем случае не трогать человека в черной мантии, расшитой изображениями человеческих внутренностей, а таковую носит лишь один из нас, и это вы, ученейший и многомудрый мэтр Кренотен. Какой позор! Вы, давший клятву исцелять людей, а не губить их! Что вы можете сказать в свое оправдание?

Стремглав тихонько обошел стол, чтобы посмотреть на лекаря. Роба у мэтра была такая, что никто в здравом уме не доверил бы ему лечить даже нелюбимую кошку.

– Снотворное – не яд, – хрипло сказал мэтр Кренотен. – И я не собираюсь оправдываться, ваше высочество. Впрочем, какое из вас высочество, а тем более величество. Вся Бонжурия знает, что ваша матушка, венценосная шлюха...

Тут граф де Мобиль-Соте рванулся из-за стола, но рука мессира Гофре удержала горячего бонжурского парня на месте. – ... прижила вас от лесничего Крюшона, известного своим сладострастием. И не хватайтесь за ваш хваленый нос, это вам не поможет, проклятый bastard! Мой коллега, мэтр Ансельм, рассказал мне, как при помощи простой клистирной трубки и тончайшей полый иглы нагнетал в ваш тогда еще младенческий носик изобретенную им особую субстанцию, именуемую силиконом...

Здесь не выдержал уже герцог Пистон, и никто не попытался его удержать. Впрочем, из-за стола его высочество так и не вышел.

– Ну вот, опять нос! – закричал он. – Моего виконта дю Шнобелле осматривали лучшие медику сы Бонжурии, Стрижании, Неспании! О, эта их ужасная биопсия! На бедняге уже места живого нет от шрамов! Любой придворный повеса, не знающий грамоты, в состоянии с первого прикосновения отличить силиконовую грудь стареющей кокетки от живой пышной плоти! Любой – но не вы, жалкий коновал! Даже и усыпить-то нас не смогли как следует!

– Достаточно, ваше высочество, – сказал мессир Плиссе. – Верховному судье не к лицу горячность. Вы и так угодили по больному месту – лекарь он действительно никудышный.

– Я опередил свое время! – гордо сказал мэтр Кренотен. – Кто же виноват, что ваши жалкие тела не в силах воспринять благотворное влияние моих снадобий? Я ученик великого Примордиала! Мое имя будет высечено золотом на алмазных скрижалях медицины! И мне не страшен ваш убогий земной суд. Покойный король Бонжурии не понимал значения науки, он даже отказывался предоставлять мне заключенных для опытов...

– Вздор, – сказал герцог. – Отцу просто-напросто надоели все эти внезапные умертвия при дворе, организованные королевой-прабабушкой. Отравленные сапоги, душающие жабо, ядовитые манжеты, смертоносные ковры, пропитанные ртутью... Что за жизнь, когда нельзя прикоснуться даже к обыкновенной дверной ручке? Вы самый обычный палач, милейший, и поэтому вами займется такой же палач...

Герцог осмотрел своих спутников, погрузтел.

– Ах, собака, – сказал он. – Ведь не может же благородный рыцарь покарать безоружного...

– У нас есть этот парнишка, – подсказал мессир Плиссе и кивнул в сторону Стремглава.

От обиды сын шорника забыл все слова – и посконские, и бонжурские – и сделал правой рукой движение, не нуждающееся в переводе. Герцог Пистон расхохотался:

– Нет, почтеннейший. Парень спас мне жизнь, а палач утрачивает право стать даже оруженосцем, не говоря уж о рыцарском звании. Мне нужны такие люди, как он.

– Ваше высочество, он же простолюдин! – возмутился советник.

– Он станет первым в роду – только и всего, – беззаботно сказал герцог. – Однако что же нам делать с лекарем?

– Ваше высочество! Да я сам удавлю его за милую душу! – подпрыгнул на коленях лучник Жан. – Даром что плечо сломано! Хоть тетивой, хоть в петлю! Только помилуйте меня! Я солдат и делаю, что прикажут.

– Предатель! – прошипел мэтр Кренотен и разом убрал куда-то свою дерзость. – Ваше высочество, не приказывайте меня убивать! Впереди вас ждут другие засады, и я все их вам укажу по мере продвижения... Я открою все тайны герцога де Шмотье, вашего вероломного кузена! Я буду полезен вам, как был полезен вашей мудрой прабабушке...

Мессир Плиссе хмыкнул.

– В самом деле, ваше высочество, от этого мерзавца будет еще толк...

– Нет! – воскликнул герцог. – Принц крови своего слова назад не берет. Воин Жеан, будьте так любезны, уволките эту бестию за ограду и прикончите тем способом, который сочтете наиболее подходящим...

Стремглав с ужасом глядел на королевский суд. Ничего подобного он в жизни не видел и видеть не мог. Болярин, которому принадлежало отдаленное поселение Новая Карга, по причине жадности своих подопечных не казнил, а просто облагал новыми податями. Местный староста в случае драки между сельскими парнями всегда велел пороть и правых, и виноватых.

Сын шорника даже забыл – вернее, все еще понять не мог, что сам совсем недавно принимал участие в боевой схватке и даже зашиб насмерть прославленного бойца поганой лоханью.

Лучник Жеан торжествующе вскочил на ноги, схватил здоровой рукой приговоренного лекаря за шкуру и потащил куда-то прочь. Мэтр Кренотен упирался ногами в сырую землю и верещал что-то на незнакомом колдовском языке.

Вскоре из-за забора донесся какой-то собачий вой, потом все стихло.

– Не отпустил бы он подлеца, – озабоченно сказал мессир Гофре. – Да и сам бы с ним не сбежал...

– Не отпустит, – отмахнулся второй советник. – Куда они денутся? Земля чужая, денег нет... А вот этот постоялый двор, – он грозно поглядел на хозяина с домочадцами, отчего те совсем скукожились, – надо бы спалить в острастку другим.

– Эй, ваше высочество, – сказал Стремглав. – Это не дело. Земля здесь посконская, на ней и суд пришлым людям не следовало бы творить, не говоря уже про такое.

Он решительно подошел к трофейному оружию, выбрал меч по руке и неловко взмахнул им, как палкой.

– Не дам, – сказал он.

Герцог снова рассмеялся.

– Видали молодца? Нет, клянусь здоровьем виконта дю Шнобелле, парнишка прав. До сих пор здешние власти не чинили нам никаких препятствий – так зачем гневить судьбу? Я, право, удивляюсь вам, мессир Плиссе.

– Здесь, кажется, вообще нет никаких властей, – сварливо сказал советник. – В цивилизованных странах чужаку шагу нельзя ступить, чтобы с него не содрали целую кучу пошлин, не посадили в грязный подвал для выяснения личности, наконец, не повесили бы просто так, для потехи...

– А мне нравятся здешние патриархальные нравы. Со временем, пожалуй, я завоюю эту землю, – прикинул герцог. – А потом подарю ее своему спасителю. Эй, парень, хочешь получить всю Посконию в собственное владение?

Стремглав помрачнел и сжал кулаки.

– Сам возьму, – тихо сказал он, но герцог услышал.

– А вы говорили – простолюдин, господа. Кулаки у него мужицкие, зато запросы истинно королевские. Но пока ты не заделался нашим коронованным братом, дружок, сбегай-ка да погляди, как там наш лучник управился с нашим лекарем... Привыкай, привыкай – дело солдатское!

Стремглав бережно положил меч туда, где взял, и рысцей устремился за ворота.

Лучник Жеан лежал на земле и смотрел в небо пустыми глазницами. Глаза лучника, сердце его, печень и прочие человечьи внутренности были по отдельности разложены на листьях лопуха.

Глава 6,

в которой объясняется, кто такие есть Боляре, чем они болеют и как лечатся

– Не догнать вам его, – сказал Стремглав. – Здесь леса такие, что и местные-то не шибко туда ходят. Он заблудится, его медведица задерет, он полезет в дупло прятаться, а его пчелы загрызут... Волки опять же...

– Кто бы мог подумать, что лекарь выкажет такую прыть? – пожал плечами герцог Пистон. – Лучник, конечно, заслужил смерть, но не такую же...

– Мэтр Кренотен просто хотел узнать, что у лучника внутри! – воскликнул граф Мобиль-Соте.

– Нет худа без добра, – произнес мессир Гофре. – Зато мы пораньше отправились в путь. Скоро доберемся до рубежа. Боюсь, мерзавец сказал правду и впереди нас ждут новые каверзы, а потом пойдут и вовсе враждебные земли...

– У вас все лекари такие? – весело спросил горбуна Стремглав. Он уже успел забыть страшное зрелище.

Они ехали в хвосте кавалькады (еще одно красивое бонжурское слово!). Дорожная грязь успела подсохнуть и чавкала под копытами уже не так противно.

– А у вас все дороги такие? – откликнулся Ироня. – Если так, тогда Посконланд никому не удастся завоевать, разве что зимой.

– Зимой у нас, бывает, птицы на лету мерзнут, – сказал сын шорника. – А лекаря этого надо было послать к нашему болярину, пускай бы он его полечил.

– А чем болен ваш господин?

– Так он же бо-ля-рин, экий ты непонятливый! Они все и всегда болеют.

– Чем, чем болеют?

– Неужто не знаешь? А говоришь, в Посконии бывал...

– Бывать бывал, но не знаю...

– Тогда знай, – с удовольствием сказал Стремглав. До сих пор все учили его, теперь он и сам мог кое-что объяснить. – Они не просто так болеют. Они ЗА НАС болеют. Оттого-то и зовутся – боляре. ... До явления боляр жители Посконии знали только столенградского князя из рода Жупелов и его дружину, да еще сборщиков дани. Дань, конечно, норовили не платить или платить не полностью, ссылаясь на ливни, на половодья, на засуху, на воздушные вихри, на саранчу, на долгоносика, на безотвальную пахоту, на скотский падеж, на позднюю весну, на короткое лето, на дождливую осень, на бесконечную зиму.

А потом пришла неведомо откуда Рыбья Холера. Люди в одночасье покрывались прыщами величиной с репу, впадали в жар, глухо кашляли и помирали иногда целыми селениями и даже городами. Не пощадило поветрие и столицу. Старики говорили, что на Закате повымерли все страны и державы, только посконичей оставили малость на развод, чтобы не пресекался род человеческий. Оттого себя берегли пуще глаза: заграживались заставами, лесными засеками, не пускали чужаков.

Когда поветрие закончилось, пожрав самое себя, стали объявляться неведомые люди. Это уже много позже поняли, что были они такие же посконичи, как и все, только похитрей. Поскония велика, все друг друга знать не могут. Отъехал подальше – и никому ты не ведом.

Приходил такой человек в селение. Окружала его толпа выживших. Он низко кланялся обществу и вопрошал:

– А что, люди добрые, страшно вам было во время поветрия?

– Страшно, мил-человек, как же не страшно! Отныне всякая душа в страхе живет: а ну как повторится?

– Вот, а я что говорил? Так теперь, страху-то натерпевшись, желаете вовсе избавиться от всякой хвори?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.